

РИТА НАВЬЕР

НИКТО
ОБ ЭТОМ
НЕ
УЗНАЕТ

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н15

Художественное оформление серии
Александры Харитоновой

Навьер, Рита.
Н15 Никто об этом не узнает / Рита Навьер. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-103582-2

Все перевернулось вверх дном в доме губернатора с появлением его внебрачной дочери Алёны. Она честна, наивна, доверчива и от всей души желает всем добра, но почему тогда пасынок чиновника Максим не верит в её порядочность? Он делает все, чтобы превратить жизнь девушки в ад, но... От ненависти до любви один шаг...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рита Навьер, 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-103582-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Время близилось к десяти вечера, в сентябре уже темно в этот час. И погода стояла пасмурная: ни луны, ни звезд. Свет шел только от фонарей, правда, они понатыканы на каждом шагу по всей территории вокруг дома, так что казалось, будто и не ночь вовсе. После двенадцати иллюминацию гасили, оставляли только светильники, запрессованные в тротуар, но сейчас белые слепящие шары на высоких чугунных опорах лупили нещадно, не оставляя, наверное, ни одного темного угла.

С металлическим дребезжанием медленно разъехались ворота. По дорожке, что выводила ровную дугу от ограды до дома, зашуршали шины. Максим прильнул к окну, хотя и так знал: это она — Алена, сводная сестрица... Аж зубы от глухой ярости свело...

Отец с утра предупредил все семейство. Поставил, что называется, перед фактом. А накануне вечером Максим слышал, как они с матерью ругались. То есть большую часть разговора разобрать он не мог, как ни напрягал слух, хотя специально засел в библиотеке, примыкающей

к отцовскому кабинету. Но затем градус беседы резко повысился, и кое-что удалось перехватить. Мать с надрывом причитала:

— Где это видано, чтобы внебрачную дочь привозили к законной жене и детям? Как теперь выйти в свет? Как людям на глаза показаться? Все ведь обсуждать будут. Такой стыд, такой позор!..

Отец сначала отмахивался: мол, пообсуждают и перестанут. Потом стал раздражаться, а под конец рявкнул:

— Кто бы говорил о позоре! Я же принял твоего ублюдка, усыновил, делаю для него все, что нужно, и даже больше, и ничего, живу вот как-то, не умер, терплю его выходки. И ты потерпишь.

Слово «ублюдок» больно царапнуло. Хотя пора бы привыкнуть, давно пора. Не в первый же раз он так, не во второй и даже не в десятый. Но Максим все равно заметно напрягся. Сиснул челюсти так, что выступили желваки. Взгляд серых глаз потемнел, ноздри едва заметно раздулись.

«Сука, — прошептал Максим под нос, — тупой урод!»

И, отшвырнув книгу, взятую наобум со стеллажа на случай, если кого-нибудь еще занесет в библиотеку, вскочил с кресла и стремительно вышел.

Вообще, «тупой урод» ему действительно не отец, а просто муж его матери. Максима он усыновил семнадцать лет назад, и до сих пор его распирало от собственного благородного же-

- Никто об этом не узнает -

ста. Но Максим звал его отцом. Во-первых, уже вошло в привычку. А во-вторых, ну как его еще называть? Отчим, что ли? Тупо. Дмитрий Николаевич? Да пошел он!.. Пусть миньоны так его зовут. И потом, говоря «отец», Максим скорее ерничал, чем говорил всерьез. Тон у него, во всяком случае, был при этом самый что ни на есть издевательский. Дмитрия Николаевича аж передергивало, что доставляло пацану искреннюю радость.

Настоящий же, биологический папаша сгинул в неизвестном направлении, даже не дождавшись появления своего отпрыска. Мать утверждала, что он погиб, но всякий раз путалась в подробностях, и Максим подозревал, что на деле все было отнюдь не так трагично-романтически.

Раньше его этот вопрос терзал, не давал покоя, а теперь, да, в общем-то, уже давно, стало плевать.

За завтраком отец-отчим объявил:

— Алену привезут сегодня вечером. После работы отправлю за ней машину. Отныне она будет членом нашей семьи, поэтому прошу всех отнестись к ней соответствующим образом.

Сам он при этом глаз не поднимал от тарелки с нетронутыми блинчиками и цедил через силу каждую фразу.

— Вы должны помнить, что она моя... дочь. — Это слово он выдал и вовсе с превеликим трудом, затем строго взглянул на мать: — Значит, и тебе, Жанна, тоже. Ну а вам — сестра.

— К ублюдкам этот родственный призыв, надеюсь, не относится? — ухмыльнулся Максим.

Отец вспыхнул, но Артем, всеобщий любимец, поспешил вклиниться.

— Пап, не переживай. Встретим, примем как положено. Все будет хорошо.

Отец благодарно улыбнулся. Одобрительно потрепал по плечу. Артем сдержанно улыбнулся в ответ. Такой уж он всегда: как может, несет мир и спокойствие в их маленький семейный ад. Прямая противоположность Максиму, который то и дело назло, с извечной ухмылкой ворошил и без того не утихающий огонь.

После завтрака отец укатил в мэрию, и мать тут же ударилась в слезы. Обычно Максим не выносил, когда мать вот так истерила, заламывала руки и впадала в патетику. За ней водилась такая привычка, и его это бесило неимоверно. Но на сей раз, как ни парадоксально, он целиком и полностью был с ней солидарен. Пока еще молчал, но изнутри его прямо-таки рвало в клочья. Им здесь только приبلудной колхозницы не хватало для полной гармонии. При этом какая-то деревенская девка, видите ли, дочь, сестра, член семьи, а он, Максим, — ублюдок. Каково?

И потом, какая она ему, к чертям, сестра? Ему-то она точно никто, с какого бока ни посмотри. Просто чужая девка, непрошенная, незваная, которая еще вчера месила навоз и крутила коровам хвосты, а сегодня свалилась на голову, словно наказание свыше.

И вообще, ему по горло и одного братца хватает, Артема, сладенького Темочки, вокруг кото-

- Никто об этом не узнает -

рого все пляшут с умильными улыбками, холят, лелеют, нежат и разве что на руках не носят. И даже сам Максим не слишком-то его шпыняет, хотя благодатная физиономия Артема раздражает порой так, что очень хочется отвесить ему оплеуху. Просто чтоб не смахивал так сильно на прилежного воспитанника духовной семинарии.

Однако уживаться с этим блаженным еще куда ни шло: как-никак, брат, хоть и наполовину. Но уж эту деревенщину он точно терпеть не станет. Она еще горько-горько пожалеет, что влезла в их жизнь, в его жизнь.

Злющий, поднялся к себе, хлопнул от души дверь.

Спустя четверть часа к нему осторожно постучал Артем и, не дождавшись ответа, просочился в комнату. Остановился у порога в нерешительности. Оглядел царящий вокруг хаос. Горничную Максим в свои владения впускал редко, когда уж совсем бардак мешал нормально жить, да и то пристально следил за ее манипуляциями и чуть что взрывался: туда не лезь, это не трогай...

— Чего тебе? — грубо спросил, метнув в брата недовольный взгляд.

— Машина уже ждет. В школу пора...

— Я не пойду, — отрезал Максим, не отрывая глаз от монитора — там, на тридцатидюймовом экране развернулось кровавое побоище.

— Но...

— На, сука, получай!

Максим выпустил очередь из минигана по очередному монстру.

Артем поморщился: не любил он такое и не понимал, но не уходил. Наоборот, подошел ближе.

– Ну что еще? – Максим щелкнул мышкой и вышел в меню. Оттолкнувшись ногой, откатился в кресле от стола и развернулся к брату.

– Вот зачем ты всегда лезешь на рожон? Зачем нарываешься постоянно? Родителям и так сейчас очень трудно. Дома обстановка такая тяжелая, просто невыносимая. А ты своими нападениями только все усугубляешь, – нудил Артем, тараща на Максима круглыми, как плоски, небесно-голубыми глазами.

Глаза его – отцовское наследие. А от матери достались брату светлые, почти белые кудри. Вот и получился в результате слияния их хромосом этакий херувимчик, нежный и хрупкий с виду. «Да и внутри не кремьень, а так, зефирка», – потешался над ним Максим. Но кремьень не кремьень, а Артем мог быть иногда очень назойлив. Нотации вон пытался читать, хотя младше на два года. И вообще, любил толкать правильные речи.

Правда, с Максимом сильно-то с речами не разгонишься. Уж он умел заткнуть братца. Давно заметив, что того вгоняют одновременно в краску и в ступор любые намеки на секс, он изгалялся вовсю, дай только повод. «Меня такие вещи не интересуют!» – обычно розовел, смущаясь из-за какой-нибудь очередной скабрзности, Артем. «Такие вещи интересуют всех, – ухмылялся Максим, – а особенно тех, кто это отрицает».

Для самого Максима вопрос взаимоотношения полов если и не стоял на первом месте, то

- Никто об этом не узнает -

был в числе очень волнующих, и каждую девушку он оценивал с единственной точки зрения: хочу — не хочу. Раньше сильно преобладало «хочу», теперь он стал гораздо разборчивее и притязательнее. Опыт появился потому что. Ну и девушки виноваты: разбаловали.

— Ведь кому ты хуже делаешь? — не отставал Артем. — Только себе! Отец и так все время грозит отослать тебя в пансион, а ты как будто нарочно напрашиваешься. Да и отцу самому сейчас очень плохо. Ты думаешь, ему нужна эта деревенская Алена, о которой он даже знать ничего не знал до последнего времени? Разумеется, нет! Если б та журналистская коза не выкопала про дочь...

— Свали, а?

На этот раз на душе было настолько муторно, что даже пошлить и смущать зануду Тему не тянуло.

В общем-то, младший был прав. У отца и впрямь чуть апоплексический удар не случился, когда всплыла эта стародавняя история с внебрачной дочерью.

Оказывается, в далеком девяносто шестом году, восемнадцать лет назад, их достопочтенный глава семейства, будучи студентом, крутил шашни с какой-то деревенской клушей, пока их курс целый месяц помогал захудалому колхозу с уборкой картошки. Обычная история, только вот клуша залетела. Отец тогда открестился от нее всеми правдами и неправдами (ну это он умел), а спустя полгода преспокойно женился на другой. На их матери. Правильно, зачем

ему деревенская матрешка, когда тут так удачно подвернулась губернаторская дочка? И не беда, что не слишком красивая, не слишком умная и с младенцем невесть от кого. Зато папа у нее всемогущ. Был. Сейчас их дед, понятно, отошел от дел, но зятя, спасшего дочь от позора, успел хорошо продвинуть.

И вот теперь, когда отец сам выдвигался в губернаторы на второй срок, появилась эта мерзкая статейка. Новость, как чумная пандемия, разлетелась по всем местным газетам и сайтам. Мусолили пикантные подробности, гневно вопрошая: как такой аморальный тип может быть губернатором?!

«Половину, — утверждал отец, глотая успокоительные капли, — присочинили. Не было такого!»

Однако и половины правды вполне могло хватить, чтобы запятнать навечно его светлый образ примерного семьянина и лишить львиной доли голосов избирателей.

Эта деревенская матрешка, как разнюхали журналисты, в конце концов спилась с горя, после того как господин Явницкий бросил ее беременной. Считай, сгубил. А дальше шла слезливая история о том, как родная дочь губернатора росла, прозябая в нищете, пока сам он купался в роскоши. А некоторое время назад ее опустившаяся мамаша и вовсе умерла. Сироту отправили в приют. Там-то и всплыло интересным образом имя Дмитрия Николаевича Явницкого, хотя фамилия у нее была другая, по матери, — Рубцова.

- Никто об этом не узнает -

Максим ничуть не сомневался: девка сама и растрепала. Да и никто не сомневался. Даже странно, почему так долго помалкивала.

Скандал в прессе стремительно набирал обороты. Только ленивый не опубликовал ее фото: нечесанные темные патлы и круглые голубые глаза в пол-лица. И главное, не отвертись: посмотришь на нее — и никакого теста ДНК не нужно, и так все видно.

Отец уже не просто злился, а паниковал.

Тогда Руслан Глушко, его политтехнолог и имиджмейкер в одном лице, предложил удочерить сироту. «Позиции наши сильно пошатнулись, к сожалению. Так что это единственный выход из сложившейся ситуации, — втолковывал он, — если, конечно, мы хотим победы на выборах. Причем эта новоявленная дочь может, наоборот, сыграть нам на руку. Можно из этого состряпать красивую и драматичную историю любви. Какие-нибудь трогательные подробности сочинить, народ это любит и с удовольствием проглотит. Свидетелей я найду. Ну а дальше... Дальше обстоятельства вас развели, но вы никогда не забывали свою первую любовь, а о дочери — ни сном ни духом. И тут вдруг такое неожиданное счастье свалилось. Понимаете, Дмитрий Николаевич? Счастье! На глазах у изумленной публики вы разыграете этот спектакль, да так, чтоб за душу брало. И обязательно горячо поблагодарите ту журнашлюшку, которая все это выкопала. Единственное, может, вашей супруге все это не понравится... Но тут уж придется выби-

рать: или пост губернатора, или спокойствие Жанны Валерьевны».

Разумеется, отец выбрал пост, ни секунды не колеблясь, хотя мать и вправду была сильно против. Но на эти мелочи он наплевал и пошел сверкать на всех каналах. Науськанный Русланом Глушко, он очень достоверно изображал радость, только вот дома потом ходил с таким лицом, будто его жестоко тошнит. Ну а когда увидел себя в новостях счастливого и растроганного — брови домиком, голубые глаза заволокло слезой, — болезненно скривился и выдал такой забористый мат, что даже Максим удивился.

Только от этого ни черта не легче. Во всяком случае, как бы отец ни корежил физиономию, а эту девку он уже зовет дочерью и требует к ней какого-то там отношения. А Максим для него был и будет убудком.

— Вот сразу свали... — вздохнул Тема и скроил укоризненное лицо. — Пойми, никому из нас она не...

— Оглох, что ли? — вскипел Максим, придавив младшего тяжелым свинцовым взглядом. — Тебе по репе настучать, чтоб дошло? Сгинул отсюда!

Артем посмотрел печально и, больше не говоря ни слова, вышел.

* * *

Максим думал, что отец тоже поедет за этой девкой. Но нет, в семь Дмитрий Николаевич заявился домой, раздраженный донельзя. Обругал

- Никто об этом не узнает -

горничную ни за что ни про что; сцепился с матерью, довел до слез, хотя у той и без того глаза весь день на мокром месте; прикрикнул на Максима, ожидаемо нарвался на ответное хамство, но разгорающийся скандал вовремя пресек телефон. Звонил водитель, сообщил, что нашел, посадил, везет...

Лицо Дмитрия Николаевича тотчас набрякло и посерело. До этого звонка он нервничал, психовал, кипятился, но как будто до последнего на что-то надеялся. Хоть и непонятно, на что тут можно было надеяться. А теперь у него словно руки опустились, как у человека, который, устав трепыхаться, смирился с неизбежным злом.

За ужином висело траурное молчание. Никто не ел, почти все блюда Вера, кухарка, уносила нетронутыми. Отец раз за разом смотрел на часы, а перед тем как подняться из-за стола, пробурчал: «Должны быть к девяти».

Но приехала она только в десять.

Максим напряженно следил из окна своей комнаты, как эта девка, тощая, нескладная, неуклюже вылезла из отцовского «Кадиллака», как забрала из багажника ворох пакетов, как пошала к дому вместе с водителем, который взял часть ее авосек.

«Галантный, блин, — недобро хмыкнул про себя Максим. — А эта — жесь просто!.. И такое чучело будет жить с нами?!»

Внизу раздался мелодичный перезвон, затем к входной двери устремились суетливые шаги Веры, нервные, цокающие — матери, неспешные — отца, шелестящие — Артема.